Список источников

1. Воронкова, П. Е. Архетипический образ дома в пространстве и времени произведения М. Петросян «Дом, в котором…» / П. Е. Воронкова // Образовательный портал «Одуван» : [сайт]. – URL: https://oduvan.online/wp-content/uploads/2017/05/Voronkova.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
2. Левинсон, А. Повсюду чем-то пахнет / А. Левинсон // Ароматы и запахи в культуре/ сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – Кн. 2. – С. 7–39.
3. Петросян, М. Дом, в котором… / М. Петросян. – Москва : Гаятри/Livebook, 2009. – 960 с.

Рзаева Виктория Рафаиловна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Куляпин Александр Иванович,
доктор филологических наук, профессор

ОБРАЗ ДОМА И МОТИВ ПУТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ 1960-Х ГОДОВ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРОЗЫ Ю. ТРИФОНОВА И В. БЕЛОВА

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу образа дома и мотива пути в прозе Ю. Трифонова (роман «Исчезновение») и В. Белова (повесть «Привычное дело») в контексте публицистического дискурса 1960-х годов. На основе хронотопического подхода М. М. Бахтина и концепции «антидома» В. Н. Топорова выявляются две модели художественного осмысления кризиса традиционных ценностей. Анализируется типология мотива пути и взаимодействие литературы с публицистикой эпохи.
Ключевые слова: образ дома, мотив пути, хронотоп, Ю. Трифонов, В. Белов, публицистика 1960-х годов, «оттепель», антидом.

Rzaeva V. R.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents a comparative analysis of the image of home and the motif of path in the prose of Yu. Trifonov (the novel "Disappearance") and V. Belov (the story «A Habitual Matter») within the context of the journalistic discourse of the 1960s. Based on M. M. Bakhtin's chronotopic approach and V. N. Toporov's concept of the "anti-home," two models of artistic interpretation of the crisis of traditional values are identified. The typology of the motif of path and the interaction between literature and journalism of the era are analyzed.
Keywords: image of home, motif of path, chronotope, Yu. Trifonov, V. Belov, journalism of the 1960s, «thaw», anti-home.

THE IMAGE OF HOME AND THE MOTIF OF PATH IN LITERATURE AND JOURNALISM OF THE 1960S: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROSE OF YU. TRIFONOVANDV. BELOV

1960-е годы в Советском Союзе стали периодом глубокого противоречия между утопическими проектами модернизации и кризисом традиционного уклада. В этом контексте дом становится символом утраченной цельности, а путь – метафорой вынужденного движения в неизвестность. Обращение к творчеству Ю. Трифонова и В. Белова, представляющих городскую и деревенскую прозу, позволяет выявить различные модели художественного

осмысления этих мотивов. Цель исследования – рассмотреть и проанализировать образ дома и мотив пути в произведениях Ю. Трифонова и В. Белова, а также в публицистических материалах 1960-х годов. Объект – хронотопная организация произведений, предмет – образ дома и мотив пути. Новизна работы заключается в сопоставительном анализе и междисциплинарном подходе, объединяющем литературоведческий анализ с историко-культурным контекстом.

Теоретической основой исследования служит концепция хронотопа М. М. Бахтина, который понимал хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», освоенную в литературе [1, с. 121]. В рамках этого подхода дом и дорога перестают быть просто местом действия или передвижения, становясь смыслообразующими категориями, организующими сюжет и систему образов. Дополнительно привлекается концепция «антидома» В. Н. Топорова, позволяющая описать инверсию традиционных пространственных ценностей.

В романе Ю. Трифонова «Исчезновение» (работа над которым велась в 1960-х годах, опубликован посмертно в 1987 г.) хронотоп дома выполняет мнемоническую функцию – он становится хранилищем семейной и исторической памяти. В. Н. Топоров определяет «антидом» как «вывернутый наизнанку хронотоп», где человек не обретает, а теряет себя [8, с. 227]. В романе Трифонова этот мотив становится центральным: «Когда-то я жил в этом доме. Нет – тот дом давно умер, исчез…» [9, с. 344]. Эта краткая фраза фиксирует не просто физическое исчезновение здания, но онтологическую катастрофу: вместе с домом исчезает память, идентичность, сама возможность укоренения в мире. Трифонов последовательно развивает этот мотив на протяжении всего романа, показывая, как советская эпоха 1930–1940-х годов систематически уничтожает пространство приватного, превращая дом из убежища в место, где человек наиболее уязвим перед лицом государства. Характерно, что действие романа разворачивается в знаменитом «Доме на набережной» – символе сталинской эпохи, где роскошные квартиры соседствовали с постоянным страхом ареста и исчезновения соседей.

Как отмечает исследовательница Г.С. Левинская, «малый мир – всегда в той или иной степени проекция мира большого» [4, с. 3]. В романе «Исчезновение» история семьи Баюковых становится проекцией истории всей страны 1930-1940-х годов. Хронотоп дома может быть интерпретирован как «опрокинутый», «антидом» – пространство исторической травмы, где сакральные ценности инвертируются в свою противоположность. Мотив пути у Трифонова имеет темпоральный характер и становится безуспешной попыткой возвращения в утраченное прошлое, что особенно отчётливо проявляется в рефлексии героев о невозможности восстановить разрушенные связи.

В прозе В. Белова дом предстаёт в иной модальности – как «последняя крепость» традиционного крестьянского уклада. В повести «Привычное дело» (1966) перед нами предстаёт семья Дрыновых, построенная на взаимопонимании и согласии. Как отмечает Я. В. Сальникова, в художественном мире писателя «родная земля» неразрывно связана с понятием дома и семьи, а пространство организовано по оппозиции «свой» – «чужой» [5, с. 1–7]. «Свой» дом обладает особенными пространственными характеристиками: он локален, имеет границы, позволяющие сохранить родное место от воздействия внешнего мира. «Чужой» дом находится за пределами поля зрения, но герои Белова, вернувшиеся в родные места, сталкиваются с «большим» миром, из которого они бегут, пытаясь вернуться в привычную среду. Однако обращение к опустошённому пространству привычного мира ведёт к утрате смысла жизни: «опустевший дом», «навсегда остывшая родная печь» указывают на раскол домашнего пространства [5, с. 13]. Важно подчеркнуть, что у Белова разрушение дома – это не результат одного трагического события (как у Трифонова), а медленный, почти незаметный процесс, в котором внешние обстоятельства (налоги, необходимость заработков на стороне, давление городской цивилизации) постепенно подтачивают уклад изнутри. Герои Белова не всегда осознают масштаб катастрофы: Иван Африканович покидает деревню не потому, что его выгоняют, а потому что «так надо», из чувства долга перед семьёй. Именно эта обыденность, «привычность» распада делает трагедию особенно пронзительной – человек

участвует в разрушении собственного дома собственными руками, не имея возможности остановиться.

В повести «Привычное дело» мотив пути становится знаком утраты укорененности. Путь представлен в нескольких ипостасях, образующих развёрнутую типологию. **Путь-бегство** воплощает Митька Поляков, давно покинувший деревню. Его появление в Сосновке – это не возвращение, а временное посещение, он становится носителем урбанистической идеологии, оценивающей деревню как «отсталую»: «…я бы на месте начальства все деревни бензином облил» [2, с. 82]. Отрыв от дома ведёт к экзистенциальной пустоте. **Путь-исход** Ивана Африкановича Дрынова- вынужденное решение, продиктованное экономической необходимостью. Кульминацией внутренней драмы становится метафора отъезда: Иван «оттолкнул, будто с берега в омут» [2, с. 103]. «Омут» в народной культуре – символ гибели, бездны. Дорога, которая должна была стать путём к спасению, оборачивается дорогой к гибели. **Путь-возвращение**: не выдержав разлуки, Иван едет обратно. Сама дорога домой описана как путь, преодолевающий смерть: «как родник, чем ни заманивай, куда ни завлекай, а он один бес домой просачивается» [2, с. 117]. Однако трагизм повести состоит в том, что вернуться в прежний, цельный мир уже невозможно. **Путь-блуждание** (сцена в лесу после смерти Катерины) обретает черты пути-инициации – испытания, через которое герой должен пройти, чтобы обрести новое понимание жизни. В отличие от других типов пути, которые вели к разрушению, путь-блуждание становится средством обретения нового смысла существования.

Сопоставление двух моделей дома и двух типов мотива пути позволяет выявить глубинное сходство при внешних различиях. У Трифонова дом разрушен исторической травмой изнутри (репрессии уничтожают жильцов). У Белова дом подвергается давлению извне – урбанизация и «большая история» наступают на него. В обоих случаях дом перестаёт быть надёжной опорой. Различие – в способах репрезентации кризиса. Трифонов сосредоточен на индивидуально-психологическом измерении травмы, на том, как история преломляется в сознании отдельного человека. Белов работает с коллективным, родовым сознанием, с судьбой уклада как целого. Два писателя не столько противостоят, сколько дополняют друг друга, создавая объёмную картину кризиса традиционных форм существования в литературе 1960-х годов. Важно отметить, что оба писателя, при всём различии творческих методов, сходятся в главном: они фиксируют **необратимость** утраты. Ни герой Трифонова, пытающийся мысленно восстановить прошлое, ни Иван Африканович, физически возвращающийся в деревню, не могут вернуть дом в его прежнем, сакральном качестве. Это принципиальное открытие литературы 1960-х годов: дом перестаёт быть гарантией безопасности и идентичности. В этом смысле и «опрокинутый дом» Трифонова, и «последняя крепость» Белова – два полюса единого процесса десакрализации пространства, который станет одной из центральных тем русской прозы второй половины XX века.

Публицистика 1960-х годов (центральные газеты и журналы, такие как «Правда», «Новый мир», «Литературная газета», «Юность») формировала нормативные образы дома и дороги, удерживая оптимистический горизонт даже при фиксации трудностей. В публицистике дом осмысляется как социальное благо (квартира, новостройка) и нравственная норма, а дорога – как трасса модернизации или маршрут личного выбора. В отличие от литературы, которая показывает оборотную сторону прогресса – распад общины, запустение деревни, духовное сиротство человека, публицистика стремится к однозначности и оценочности. Показательный пример – полемика вокруг «деревенской прозы» на страницах «Нового мира» и «Октября» в 1960-е годы. Если литературная критика спорила о художественной ценности произведений Белова, Абрамова, Шукшина, то публицистика (например, статьи Ю. Черниченко) оценивала те же явления с утилитарных позиций: нужна ли деревня стране, эффективно ли сельское хозяйство, стоит ли удерживать молодёжь на селе. Литература говорила о душе и памяти, публицистика – о рентабельности и плане. Этот конфликт языков оказался продуктивным: именно на пересечении двух дискурсов рождалось то напряжённое самоощущение эпохи, которое мы сегодня называем «оттепелью».

Литература и публицистика выступают двумя взаимодополняющими языками самоосмысления эпохи: художественный язык удерживает многозначность и внутренний конфликт, публицистический – фиксирует социальный запрос и нормативные рамки. На пересечении этих языков формируется педагогический ресурс темы, который может быть использован в школьном анализе для выстраивания пар текстов: публицистический очерк о деревне и эпизод из «Привычного дела» или публицистический текст о жилье и фрагмент из «Исчезновения» Ю. Трифонова.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что в литературе 1960-х годов образ дома и мотив пути образуют неразрывное диалектическое единство, отражающее кризис идентичности человека в эпоху социальных трансформаций. У Трифонова хронотоп дома предстаёт как «антидом» – пространство исторической травмы; мотив пути становится безуспешной попыткой возвращения в утраченное прошлое. У Белова дом – «последняя крепость» традиционного уклада, разрушаемая внешним давлением; путь предстаёт в развёрнутой типологии (бегство, искушение, исход, возвращение, блуждание), обретая характер экзистенциального испытания. Литература и публицистика 1960-х годов выступают двумя взаимодополняющими языками самоосмысления эпохи. В диалоге этих двух дискурсов – ключ к пониманию того, как культура 1960-х годов рефлексировала над кризисом традиционных ценностей и поиском новых оснований идентичности. Полученные результаты могут быть применены при разработке уроков литературы в старших классах, посвящённых русской прозе второй половины XX века, а также при подготовке спецкурсов по литературе 1960-х годов. Кроме того, предложенная в статье типология мотива пути (бегство, искушение, исход, возвращение, блуждание) может служить рабочим инструментом для анализа других произведений деревенской и городской прозы 1960–1970-х годов – например, рассказов В. Шукшина, повестей Ф. Абрамова или романов Ю. Трифонова «Обмен» и «Другая жизнь». Дальнейшее исследование могло бы быть посвящено эволюции образа дома в русской литературе конца XX века, от «оттепели» к «застою» и перестройке.

Список источников

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Наука, 1986. – С. 121–291.
2. Белов, В. И. Привычное дело : повесть / В. И. Белов. – Москва : Современник, 1986. – 158 с.
3. Воронина, Т. В. «Привычное дело» В. Белова: поэтика крестьянского труда и образ человека труда / Т.В. Воронина // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2020. – № 6 (149). – С. 168–174.
4. Левинская, Г. С. «Дом» в художественном мире Юрия Трифонова / Г. С. Левинская // Филологические науки. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
5. Сальникова, Я. В. Художественная картина мира в прозе В. Белова (пространственно-временные координаты) :специальность 10.01.01 – русская литература : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сальникова Яна Вячеславовна. – Воронеж, 2011. – 22 с.
6. Сальникова, Я. В. Идиллическая модель мира в произведениях В. Белова 60-70-х гг. О «малой родине» / Я. В. Сальникова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 1(17). – С. 130–136.
7. Селеменева, М. В. Концептосфера городской прозы Ю. В. Трифонова / М. В. Селеменева // Вестник Челябинского университета. – Челябинск : ЧГУ, 2007. – № 13. – С. 104–108.
8. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров. – Москва : Наука, 1983. – 284 с.
9. Трифонов, Ю. В. Исчезновение. Отблеск костра. Старик / Ю. В. Трифонов. – Москва : Художественная литература, 1988. – 492 с.

10. Черниченко, Ю. Нет перспективы? / Ю. Черниченко // Новый мир. – 1966. – № 8. – С. 150–156.

Свиридова Полина Петровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ПОЭТИКА РОМАНА Ю. ПОЛЯКОВА «ГРИБНОЙ ЦАРЬ»

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения романа под призмой социального и нравственного кризиса, определения его морально-философской проблематики. Материалом исследования стал роман «Грибной царь» Ю. Полякова, статьи исследователей по изучаемой теме (О. В. Карелова, К. А. Воротынцева, Л. С. Захидова). В ходе исследования были определены особенности идиостиля автора, проиллюстрированный примерами из текста, выделены сюжето- и смыслообразующие мифологемы.
Ключевые слова: Грибной царь, Ю. Поляков, поэтика, интертекстуальность, авторские неологизмы

Sviridova P. V.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to consider the novel under the prism of a social and moral crisis, to determine its moral and philosophical issues. The research material was the novel "The Mushroom King" by Y. Polyakov, articles by researchers on the topic under study (O. V. Karelova, K. A. Vorotyntseva, L. S. Zakhidova). In the course of the research, the idiosyncrasies of the author were identified, illustrated with examples from the text, and plot- and meaning-forming mythologems were highlighted.
Keywords: Mushroom King, Y. Polyakov, poetics, intertextuality, author's neologisms

THE POETICS OF Y. POLYAKOV'S NOVEL "THE MUSHROOM KING"

Современная русская литература, прошедшая этап модернизма и вступившая в постмодернизм, приняла в свои ряды роман Юрия Полякова «Грибной царь» об одном дне «нового» русского. Отечественная литература, отражающая каждый этап социального и политического пути России, не сделала исключения и на этот раз: в романе находят свое проявление социальные изменения и ретроспективные путешествия героя в прошлое своей страны. Роман интересен своими интертекстуальными связями с мировой культурой: тут и библейские мотивы, и народная культура, и староанглийская драматургия Шекспира.

Анализируя роман «Грибной царь», нельзя не отметить его характерную особенность – стилистический «сплав»: автор объединяет в романе советские клише (агитационные лозунги), армейский и постсоветский жаргон, перестроечные просторечия и лексику России 00-х. Такой авторский способ служит трансляцией особенностей перестройки и нулевых [5, с. 465].

Ю. Поляков активно использует советские клише в своем повествовании, зачастую совмещая с иронией, чтобы продемонстрировать, что советская идеология в 80-х годах не воспринималась всерьез. Таким способом автор продолжает свою традицию – использовать свои произведение как отражение эпохи. Некоторые персонажи, наделенные советской лексикой, являются воплощением того времени. Так, например, замполит Агариков, часто встречается в повествовании с крылатыми выражениями, дополняющие размышления